

Филипаци Манфреди
Флоренция, Италия

РОССИЯ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПЕЧАТИ:
ИСКАЖЕННЫЙ
И «ОТРЕСТАВРИРОВАННЫЙ» ОБРАЗ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Рассматриваются две основные тенденции представления России в современной итальянской прессе, доказываемая, что ни одна из точек зрения не является объективной и не отражает в полной мере российскую действительность, выявляется связь между искажением образа России и потребностями внутренней политической дискуссии в Италии.

Ключевые слова: средства массовой информации; путинизация; (анти)берлусконизм; демократия; «Ла Stampa»; «Ла Репубблика»; Горбачев; Путин; Медведев; Берлускони.

Сведения об авторе: Филипаци Манфреди, доктор исторических наук, доцент.

Место работы: Флорентийский университет.

Контактная информация: Московская область, г. Королев, ул. Калинина, д. 15, кв. 35.
e-mail: manflip@gmail.com.

Filipazzi Manfredi
Florence, Italy

RUSSIA IN ITALIAN PRESS:
DISTORTED AND «RESTORTED» IMAGE

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes two main tendencies of representation of Russia in contemporary Italian press. The author proves that neither of the points of view is objective and none of them reflects Russian reality fully. Connection between distortion of the image of Russia and needs of interior political discussion of Italy is revealed.

Key words: Mass Media; putinizatsiya; (anti)berluskonizm, democracy; «La Stampa»; «La Repubblica»; Gorbachev; Putin; Medvedev; Berluskoni.

About the author: Filipazzi Manfredi, Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor.

Place of employment: Florence University.

Бруно Серджи, преподаватель международной экономики в университете г. Мессины, в своем недавнем интервью, данном одновременно с выходом его последней книги "Misinterpreting Modern Russia", справедливо подчеркнул, что в англосаксонских странах, а также вообще на Западе, имеется стойкая тенденция выставлять Россию в негативном свете. Для русских это не новость, тогда как для многих людей Запада новостью было бы обратное, и весьма трудно найти ответ на вопрос, отчего так происходит. Советская угроза перестала существовать вот уже как два десятилетия, и Новая Россия выглядит не более угрожающе, чем любое другое мощное государство с растущим влиянием на международной арене. Русской угрозы, как теперь ясно, не существует, да и сама Россия не намерена двигаться в этом направлении. Она теперь прочно привязана к международной экономической системе, а потому и все ее попытки вернуть державную мощь оказались бы бесплодными, если вдруг перестали бы быть прозрачными и понятными на всемирном рынке. Россия просто-напросто блюдет свои интересы, что, безусловно, приводит к трениям, но она действует теперь в понятном для остального мира контексте, в котором поступки диктуются не идеологией, как было в СССР, а доступными для понимания и оценки финансовыми и экономическими стратегиями. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что она опирается на экспорт жидкого топлива и природных ресурсов, которыми располагает в изобилии, но, возможно, как раз по этой причине, из-за создавшейся тесной зависимости Запада, особенно Европы, от этих ресурсов (Европа, в частности, оказывается все теснее привязана к поставкам газа из Москвы), интерес к России вот уже несколько лет дер-

жится на отметке настороженного и пристального наблюдения.

Россия Путина и Медведева не пользуется большой популярностью, на нее смотрят с подозрением в гораздо большей степени, чем в ельцинскую эпоху (намного более опасную) и тем более в горбачевскую, по которой до сих пор ностальгируют на Западе и которая вошла в категорию тех исторических возможностей, лишь чуть-чуть не дотянувших до полной реализации, вечными спутниками которых становятся разнообразными «если бы» и «но». Остается, впрочем, фактом то, что эра Путина располагает гораздо более существенным народным консенсусом, чем это было при его предшественниках, а это очевидный симптом того, что преобразование и ускорение темпов развития страны, предпринятое за последние годы, вызвало намного более откровенное одобрение у населения, чем ельцинская демократия или горбачевская перестройка. Это, безусловно, глубоко поражает людей Запада, которые под термином «путинизация» понимают в первую очередь ограничение гражданских прав и свобод, цензуру, гнет и в целом триумф силы и самоуправства над свободой суждения и моралью. Если смотреть на сильную Россию такими глазами, то она не может не вселять страха, и редко когда звучит голос, особенно в Италии, который стремился бы обрисовать российскую действительность вне действующего стереотипа. То, что имеет место дефицит демократии, отмечается и многими россиянами, не обязательно принадлежащими к оппозиции, но приравнивать это обстоятельство к диктатуре значит выходить далеко за рамки разумного. Много из того, что воспринимается в столь искаженном свете, на самом деле прямо и откровенно признается в самой политической док-

трине суверенной демократии, разработанной Владимиром Сурковым в 2006 году и принятой московскими лоббистами во власти, извлекая из нее ведущий принцип, который и предъявляют самому широкому общественному мнению, как внутрисоветскому, так и международному. Тот же Михаил Горбачев на встрече, состоявшейся в октябре 2006 года в г. Альба итальянской области Пьемонт, упомянул некоторые положения сурковской доктрины, в связи с чем напомнил, что на Западе часто упрекают Россию в дефиците демократии, забывая о том, что эта страна идет особым историческим путем. Россия, говоря словами бывшего генерального секретаря КПСС, находится лишь в середине того процесса, начало которого следует датировать не 1991 годом, а 2000, чьи результаты, несмотря на огромное количество трудностей, уже очевидны и осязаемы. В этих словах звучит явная критика деятельности Ельцина и, напротив, положительная оценка работы правительства Путина, несмотря на то что ему еще многое предстоит усовершенствовать. Между тем путинские «упущения» слишком часто раздуваются западным общественным мнением, которое забывает о том, что демократия не может возникнуть за несколько лет и что Россия находится лишь на середине этого пути, но никак не в конце него [“Gorbachev incontra Alba “fidatevi di noi russi” // La Stampa. 27.10.2006]. В отношении того, с чем пришлось работать Путину, можно привести емкое определение, данное Солженицыным: «Путину досталась по наследству страна разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное, – восстановление ее» [«Написано кровью»: интервью Александра Солженицына // «Известия». 24.07.2007.].

Россия конца 90-х годов в самом деле воспринималась в Италии как страна, находящаяся на грани саморазрушения, и многие спешили с описаниями будущего геополитического сценария, при котором границы Российской Федерации должны были сократиться до пределов средневековой Московии. Опасения, что может произойти утрата суверенитета целым государством на азиатском континенте, с последующим фактическим подчинением его китайскому игу, носили отнюдь не спорадический характер, а напротив, довольно серьезно обсуждались многими журналами, посвященными международной политике, итальянскими и не только. Этот сценарий не реализовался, а его переосмысление и возвращение России на позиции сильной евроазиатской державы во всех специализированных журналах стало возможным как раз благодаря энергичной прагматической политике Владимира Путина. Даже если скептически подходить к катастрофическим прогнозам десятилетней давности, все же не вызывает сомнения, что экономические проблемы и безогляд-

ные эксперименты с демократией привели страну к тяжелому кризису и подвергли опасности ее суверенитет. Отвоєванные за последние годы государством позиции в ключевых отраслях национальной экономики, с одной стороны, могут быть восприняты как посягательство на ценности «свободного рынка», независимо от реального содержания этого выражения в эпоху Ельцина («свободный» не значит «не имеющий правил»), с другой – они поставили на ноги национальную экономику, в результате чего российское государство вновь обрело кредит доверия у собственного населения и социальную стабильность.

В уже процитированной статье о Горбачеве был поставлен, однако, следующий вопрос: в какой мере это богатство является реальным и какую цену придется заплатить гражданскому обществу для сохранения стабильности и продолжения развития? А также на какой дефицит стабильности готова пойти Россия, чтобы обеспечить себе в будущем более дифференцированное развитие, преодолев зависимость от классической опоры на тяжелую промышленность во главе с отраслью энергетики? Совокупность всех этих рассуждений уже много лет муссируется в итальянской прессе, в какой-то мере смешавшись с внутренней политической дискуссией Италии.

Следует принять во внимание две отдельные области: критику Путина как отражение воинствующего антиберлусконизма части итальянской прессы, с одной стороны, и менее зависящую от политического противостояния в Италии, как в предыдущем случае, а напротив, более внимательную к внутренней динамике Российской Федерации, но все же критику, только на этот раз *cum grano salis*. Проявления этих двух тенденций в ряде многотиражных печатных изданий Италии встречаются повсеместно, однако их наиболее крупными выразителями являются газеты «Ла Република» и «Ла Stampa», которые уделяют российским событиям сравнительно большое внимание.

«Ла Stampa» выступает в качестве издания, наиболее внимательного к внутрисоветской логике событий, благодаря таким авторитетным «перьям», как Джульетто Кьеза, Энцо Беттица и Анна Зафесова. Если в принципах освещения этой газетой русского вопроса и можно усмотреть какой-либо недостаток, то этот недостаток состоит в «ностальгии по Горбачеву», а именно в склонности чрезмерно сожалеть о неосуществившейся преемственной связи между последним советским лидером и обоими пришедшими ему на смену деятелями (по причине либеристских эксцессов правительства Ельцина в первом случае и в силу необходимости авторитарной «коррекции» в эпоху Путина), которые изначально виноваты в нереализованной трансформации, в обесцененной идеологически и культурно «реконструкции», за что Россия до сих пор расплачивается. Впрочем, иногда слу-

чается так, что некоей несложившейся картинке, недорисованной иконе, в качестве которой в данном случае выступает «перестройка», приписываются чудотворные свойства, как если бы наступившие вслед за этим события не являлись ее объективным следствием. И если сегодня на Западе позиция «сиротства после ухода Горбачева» до сих пор приносит огромное моральное и интеллектуальное вознаграждение, правда и то, что мало кто из русских с ностальгией вспоминает последнего лидера советской эпохи. Ельцин и Путин, кроме всего прочего, являются двумя сторонами одной и той же медали: слишком неосторожный один, слишком консервативный другой, – но ни тот, ни другой не являются чуждыми российской истории, напротив, если пристально взглянуть, чуждой российской истории, нравится это или нет, является именно «перестройка» в силу общей неспособности этой страны к реформам и восстановлению путем гражданского обновления, этапы которого совершались бы иначе, чем в силу извечного давления крайней необходимости и срочности. И все же в демократической суверенности эры Путина – Медведева (такое обозначение лучше передает суть вещей, чем «суверенная демократия») принудительное замедление, осторожность преобразований и реформ есть, нужно лишь повнимательнее приглядеться.

Слова того же Медведева, который без колебаний подверг критике возвращение в историко-политическую дискуссию о России отживших свое и набивших оскомину тем, могли бы открыть новую эпоху. Реформист, может не по призванию, но безусловно по необходимости, он имеет дело со страной, которая теперь уже настроена на будущее с повышенными ожиданиями благосостояния и будет все меньше позволять ограничивать сферу своей автономности и все меньше соглашаться с «дефицитом» демократических свобод, если вдруг окажется крайне необходимо пойти на такую меру. В данный момент, очевидно, это еще не так, и трудно априори установить, когда и как может осуществиться подобная эволюция, но будет разумным предположить, по аналогии с Западом, что лучшие условия жизни и благосостояние широких масс окажутся не пунктом назначения, а отправной точкой для более активного и сознательного их участия в политической и общественной жизни. С этой точки зрения Медведев может оказаться удачным синтезом, по крайней мере, такое мнение выражает Михаил Горбачев в статье, вышедшей в газете «Ла Stampa» 15.03.2010 г. и посвященной 25-летию «перестройки», где отчетливо улавливается определенное доверие к новому президенту.

Внимание же комментаторов привлекает бином «Путин – Медведев» как в силу аномальности его прихода к власти, так и в качестве примера нарушенного государственного баланса, при котором «старому» харизматиче-

скому лидеру дается меньше полномочий, а «новый» занимает позицию главы государства.

Как подчеркивал Джульетто Кьеза в 2004 году, Владимир Путин «мог бы быть, возможно, чем-то иным, он мог принять иные решения, но не принял их», то есть мог взять на себя роль «просвещенного реформатора», «демократического модернизатора», однако предпочел роль «автократа». С железной логикой Кьеза показал в решениях Путина не столько ограниченность его как политика, сколько неспособность правящего класса предложить способных и подлинно «новых» советников [Giulietto Chiesa "Consiglieri corrotti e mancata modernizzazione: così fallirà la politica del nuovo zar. Putin non ha rivali, ma è troppo solo" // La Stampa. 26.11.2004.]. В Медведеве Анна Зафесова уже такого недостатка не усматривает, а напротив, признает наличие вокруг него совершенно иного окружения, отчасти благодаря произошедшей смене поколений, в результате которой на политическую сцену приходят те, кто «видели запад и вкусили его безо всяких стен, кто лично испытал на себе капитализм и для кого культ железной силы отдает дурным тоном» [Anna Zafesova "Il premier palestrato non scalda più i cuori" // La Stampa. 4.07.2009.].

Тем не менее, то, что Путин некоторое время назад упустил хороший момент для завершения карьеры, думают многие, но что наступило время писать некрологи – пока нет. Образ премьера пока еще ассоциируется с его волонтеризмом, его способностью быть центром притяжения для тех, кто даже частично не может не отождествлять его с сильной Россией, хозяйкой своего настоящего и будущего. Этот брачный союз постоянно подпитывается стратегией страха, которая в случае какого-либо покушения, какой-либо внешней или внутренней угрозы может легко вывести на первый план именно фигуру Путина, подходящую для данной роли, конечно же, лучше, чем фигура Медведева. Такая перспектива отнюдь не замалчивается в итальянских газетах и продолжает бросать тень и сеять сомнения по поводу действительной воли к преобразованиям в России. Если следовать этой логике, согласно которой Россия часто ассоциируется с жестокостью, будь то представление о физическом насилии, коррупции или решениях властей, то гражданский и демократический прогресс в такой стране может быть в любой момент механически сведен к чисто формальному, «фасадному» эксперименту. Это вопрос международного имиджа, которому, как кажется, Россия придает мало значения, но который висит над ее головой как дамоклов меч.

Таков случай, прежде всего, нерешенного чеченского вопроса, неизбежного камня преткновения для любого, кто в Италии и на Западе в целом хотел бы составить стройную и последовательную оценку современной России. «Грязная война» и ее самые прямые последст-

вия, которые можно символически резюмировать в убийстве Анны Политковской, представляют собой мутный водоем, в котором рискует утонуть любой анализ возможного будущего. Так много уже было сказано и написано, что неизбежно любой разговор о России рано или поздно заводит сюда. Отчасти это неизбежно, поскольку из-за недостатка знаний или информации часть начинает замещать собой целое, и многие итальянцы, говоря в целом о России и не располагая достаточными знаниями о ней, в конце концов основывают свое суждение на ситуации на Кавказе, которая стала еще более тревожной из-за событий, развернувшихся в Северной Осетии в 2004 году и из-за российско-грузинского конфликта лета 2008 года. На Кавказе Россия теряет большую часть своего кредита доверия в глазах международного общественного мнения. Кроме всего прочего, определение «русский завоеватель» было лейтмотивом более чем сорокалетней холодной войны, а потому его достаточно лишь слегка отряхнуть от пыли, и вот уже страх подогрет: здесь даже не требуется пугало «коммунизма» или «реального социализма».

Эти сомнения больше всего мешают не кому-нибудь, а итальянскому Председателю Совета Министров Сильвио Берлускони, который не может воспользоваться ими себе на благо из-за «особых» отношений с Путиным. То, что Италия имеет особые интересы в России, известно, ведь она отсюда импортирует около 32% необходимого ей объема газа и 25% необходимой ей нефти-сырца, не считая того, что она является одним из главных коммерческих партнеров Российской Федерации. Дружба двух лидеров, однако, привлекла к себе в Италии большое внимание: большинству не понравилось, что их отношения столь сильно окрепли и положили начало личной дружбе, которая, по общему мнению, приносит результат, ровно обратный полезному. В действительности речь идет о некоей опасной аномалии, состоящей в подмене государственных отношений личными и поощрении волюнтаристской практики, рискующей избежать любой формы парламентского контроля и приводящей к досадным эксцессам даже не во внутренней политике, а в первую очередь международной. Так случилось, например, во время знаменитой встречи в верхах между Россией и Европейским Союзом, состоявшейся в ноябре 2003 в Риме, когда итальянский премьер выступил в роли рупора и защитника российской стороны, ответив вместо Путина французскому журналисту по чеченскому вопросу и напад на итальянские и международные средства массовой информации, которые, по его словам, были виновны в дезинформации [Ugo Magri. "Il presidente della commissione: spero che sia informato sulla situazione a mosca meglio di quanto lo e' sulla nostra. Battibecco Prodi-Berlusconi al vertice con Putin. Il premier denuncia l'ostilità dei giornali ai

governi italiano e russo: dura replica" // La Stampa. 7.11.2003.]. В самом деле, многие печатные издания упрекают Берлускони в том, что он завязал не совсем уместные близкие отношения с тем из международных лидеров, кого наиболее часто критикуют в последнее время. Добавим к этому обвинения России со стороны международного сообщества в нарушении прав человека и ограничении гражданских свобод – и вот уже началась длительная полемика, объявленной мишенью которой является Берлускони, но которая, в конце концов, подкрепляется тем, что подчеркивает негативный имидж Путина и Кремля.

«Ла Република», второе итальянское издание в газетном киоске и первое в интернете, представляет историко-политическую традицию левых. Газета близка к Демократической партии (оппозиционной по отношению к правительству Берлускони), следит за кампаниями по защите гражданских прав и всегда выступала против действий премьера. Эта война продолжается уже 15 лет, а в последние годы газета еще более ожесточилась и под знаменами воинствующего антиберлусконизма буквально вырыла ров между собой и политиком. Неважно, насколько это достойно или не достойно одобрения, но нет сомнения, что столь явная реакция идиосинкразии в отношении премьера лишь подогрела раздражение, но никак не упокоила его, тем более на фоне итальянского левоцентристского дрейфа, в свою очередь неспособного предоставить реальную политическую альтернативу, а потому ответственного за рост популярности Сильвио Берлускони. Если принять во внимание отношения, сложившиеся между Берлускони и Путиным, то расплачиваться приходится также и России.

Несмотря на единую фактологическую базу, некоторые новости могут преподноситься как в положительном, так и в отрицательном ключе, и достаточно очевидно, что большая часть комментариев, связанных с Россией, в «Ла Република» относится ко второй группе. Часто речь не идет о прямых нападках, но ясно, что за некоторым сарказмом и склонностью к гиперболом при описании социальной и политической российской реальности скрывается косвенная критика. Это критика «суверенной демократии» и «вертикали власти», чрезмерного мелькания на телеэкранах Путина и Медведева (которое соответствует русскому архетипу власти, недоступному для понимания итальянцев), богатства «новых русских» (которые, очевидно, никакими не могут состариться и перестать быть «новыми» в итальянском коллективном воображении), а также массивности сооружений, широты улиц, высоты небоскребов и всего того, что явно и открыто контрастирует с итальянскими обычаями. Тем не менее, если многие российские курьезы, разумеется, являющиеся таковыми с итальянской точки зрения, могут быть сведены к категории «культурных отли-

чий», то первый упомянутый случай и тот факт, что его автор, Владимир Путин, находится в отношениях крепкой дружбы с Берлускони, заставляют забыть о всякой деликатности и пуститься раздувать даже безобидные, чисто русские прихоти и привычки до размеров негативного стереотипа, который, хотя и дискредитирует *de facto* Россию и русских, в действительности направлен против своей главной мишени – главы итальянского правительства.

Это происходит с образом России, которую часто отождествляют с ее центром – Москвой, выступающей символом дикого и наглого капитализма; Москву затем смешивают с олигархией власти, и из всего этого варится компот, в котором нефть, олигархи, новые русские, коррупционеры и взяточдатели, власть и диктатура являются гранями одной и той же фигуры – фигуры Путина, а значит, разумеется, и его друга Берлускони.

Как пишет Сандро Виола, один из лучших авторов «Ла Република», «разница заключается в демократии. В России ее нет, и Путин может практически делать все, что хочет. В Италии для Берлускони выживать очень трудно» [Sandro Viola "Lo zar vladimir e l'amcio Silvio" // La Repubblica. 27.10.10.]. Сегодня в Италии мало кто оспорил бы это утверждение. Так, в том числе на уровне выбора выражений и заголовков, мы приходим к конформизму критики, ставшим привычным для левой печати. Марко Травальо, известный тележурналист, очень конкретно критикующий Берлускони и наводившую Италию общую политическую безнравственность, главным символом которой является партия премьера, ясно говорит о «путинизации» «италиотской системы» (Италиотами назывались древнегреческие колонисты, обосновавшиеся на юге Италии, однако в современной публицистике данный термин, благодаря его созвучию со словом «идиот», используется в саркастическом ключе как средство самоиронии итальянцев, как правило, когда речь заходит о послушной и недалекой толпе, ср. русское «стадо баранов» или ироническое «сограждане» – *примечание переводчика.*), когда утверждает, что откровения председателя Совета министров в печати и других средствах массовой информации не стоит воспринимать как шутки, неловкие оговорки или как то, что было сказано сгоряча, в порыве эмоций, так как они представляют собой целенаправленную атаку на свободу печати в Италии [L'unità. 6.04.2009.]. Аналогично Вальтер Вельтрони, бывший лидер оппозиции, пользующийся авторитетом в Демократической партии, в одном своем интервью 2008 года открыто высказал, что Италии грозит установление модели Путина, для которой, по его словам, характерны следующие черты: «...выхолащенная демократия. Структура организации власти, которая может показаться авторитарной. Восприятие несогласия как помехи, от которой нужно избавиться, стремление уст-

ранить разделение и самостоятельность ветвей власти как лишнее препятствие» [Intervista realizzata da Aldo Cazzullo. "Veltroni: con Berlusconi democrazia svuotata come la Russia di Putin" // Corriere della Sera. 28.09.2008.].

Это, безусловно, резкие слова, поскольку звучат они из уст лидера оппозиции, возможно, будущего главы итальянского правительства, и действительно, какое-то время спустя сам Вельтрони уточнил их, говоря, что они содержали историко-политическую ссылку на «модель персоналистского популизма», которой вовсе не погнушался бы Берлускони [Intervista realizzata da Marcello Giannini. "Veltroni: "Sì al dialogo in Parlamento per l'Italia, non per Berlusconi" // La Repubblica. 12.10.2008.].

И действительно, следуя этой логике, «путинизация» есть не что иное как персонализация политики, полученная благодаря железному контролю за телевидением и выработке некоего общего стиля поведения, далекого от «медийного демократического и парламентского апломба западных демократий» [Piero Sinatti. "Putin saluta l'amico e attende le mosse del futuro premier" // Il Sole 24 Ore. 13.04.2006.]. Совокупность жестов и поз, грубо играющая телевизионными клише, провоцирует вуайеризм среднестатистического зрителя, который наблюдает за круговоротом манер и обычаев далекого в прошлом мира, кажущегося теперь близким и осязаемым как раз потому, что он показан со стороны повседневной жизни и вписывается в коллективное представление, а не уложен в серые рамки государственного протокола. Как справедливо пишет Анна Зафесова, Владимир Путин, придя во власть в 1999 году, сумел достичь консенсуса, окончательно утраченного к тому моменту Ельциным, именно благодаря умению преподнести себя как человека, полностью отличающегося от предшественника. «Молодой, спортивный, решительный, образованный», он сумел сыграть на национальной гордости и еще более преуспел в поднятии президентского имиджа, столь упавшего из-за Ельцина и его антуража [Anna Zafesova. "Il premier palestrato non scalda più i cuori" // La Stampa. 4.07.2009.].

Когда ослабевает парламентская борьба и общественная дискуссия, тогда политическое содержание растрачивается в попытках каждый день представлять себя в СМИ, лишая смысла слова и уповая на привычку и лень зрителей, рассеянных, невнимательных и легко поддающихся внушению. Парадоксальным образом все это сильнее ощущается в Италии, чем в России, и становится специфической болезненной чертой западных демократий, все более аутореферентных и критичных по отношению к другим, и все меньше – по отношению к себе. Раз это уже характерная черта, то историко-культурная сила убеждения, которой обладают определенные страны, становится препятствием, а не положительным явлением, ведь в та-

ком случае достаточно одной мерки безо всякого противовеса, чтобы судить о степени демократичности той или иной страны в рамках некоей идеальной классификации, критерии которой никак не определены. Будь то Россия или Китай, Ирак или Афганистан, тесный кружок западных демократий не желает или, проще говоря, не располагает культурными и человеческими инструментами для того, чтобы на равных строить отношения с данными государствами. Это глубокая и упадочническая ограниченность, из-за которой различные реальности сводят к одной, исходя только из одного базового критерия – собственного, и втискивают в привычные схемы, часто необходимые только для подпитывания бесплодной внутренней полемики.

Случается так, что наиболее горячие вопросы, связанные с Москвой, используются в качестве инструментов для завязывания политической дискуссии, что и продемонстрировал недавно Пьер Фердинандо Казини, лидер Союза Демократических Христиан – партии центристского толка, опирающейся на католические ценности, – который выступил с откровенной критикой деятельности премьера, хотя многие годы являлся его преданнейшим союзником. Именно со скамеек его политической группы была выдвинута парламентская инициатива, требующая от итальянского правительства сделать все возможное, чтобы заявить о нарушении гражданских прав в России. В этой связи на страницах «Ла Stampa» Казини высказал следующий призыв: «По поводу Чечни и убийств журналистов Италия сделала слишком много скидок Путину. Ходорковского преследуют, так как он пытался оказать политическое противодействие, финансируя либеральную партию и заявив о своем намерении участвовать в выборах. Его человеческие права были нарушены. У Берлускони особые отношения с Путиным? Ну так пусть ими воспользуется!» [Antonella Rampino. “Khodorkovsky? Berlusconi ne parlò a Putin” // La Stampa. 24.09.2009.]

Заявления российских активистов, не говоря уже о выступлениях оппозиционной прессы, не должны замалчиваться, кроме того, нельзя забывать, как Европейский Союз неоднократно занимал критическую позицию по вопросам гражданских свобод и прав человека в России. Однако когда эти вопросы подхватываются итальянской прессой, возникает ощущение, что ты видишь нечто уже знакомое и абсолютно неподвижное. Видишь не общую оценку трудно перехода, дающего, безусловно, повод для критики, но отражающего становление новой ситуации, а скорее законченный, окончательно восстановленный, дорисованный образ: возвращение российского колосса (часто в его худшей – советской – ипостаси) с присущей ему несправедливостью, неравноправием, деспотизмом, склонностью к авторитарности. Что в конечном итоге подкрепляет уже выверенный

образ, потому что именно таким его рисовали на протяжении всей истории вплоть до сегодняшнего дня, именно таким его подают сейчас и используют для того, чтобы резюмировать: Россия, в отличие от многих других реалий, не меняется и не может измениться. Такая аксиома нужна чтобы восстановить уже известный образ, а также частично исказить существующее положение вещей.

Так складывается картинка, в которой реальная ситуация показана плоско, без учета трудностей переходного периода страны, в которой демократические структуры, в силу традиции и исторической необходимости, никогда не были особенно прочными, а образ оппозиции часто смешивался с образом врага. Отношения Путина и Медведева также многими воспринимаются как всего лишь «фасад», в то время как в действительности это может оказаться чем-то большим, например парадигмой иного понимания и исполнения власти, которая, какой бы наивной не казались, предлагает новый принцип руководства, меньше опирающийся на силу и более демократический.

«Ла Република», например, собирает слухи последних месяцев, все более настойчиво утверждающие, что в 2012 году произойдет простая передача дел от Медведева к Путину, что сведет к нулю результаты политической деятельности первого за весь последний период адекватного президента: на поверку выяснится, что он лишь прикрывал демократическую фикцию. Такова позиция, изложенная в статье Николы Ломбардоцци, который на страницах «Ла Република» не скупится на критику, открывая свой текст словами, звучащими как приговор: “В глубине души все это знали, но почти официальное подтверждение всегда производит свое впечатление”, и продолжает в том же духе, цитируя Бориса Грызлова, Председателя Думы, который предположил в 2012 год возвращение Путина на должность президента, а Медведева – на роль главы правительства, забывая о том, что Грызлов, будучи ветераном “Единой России”, мог не столько исходить из фактов, сколько выражать надежды своей партии [Nicola Lombardozzi. “Putin sarà presidente, Medvedev premier” // La Repubblica. 20.03.2010.]. Некритическая подача новости – вне какого-либо политологического анализа, просто ради того, чтобы поговорить о политической ситуации в России, – укрепляет теперь уже прочно сложившееся представление о том, что эта страна на волне нового роста благосостояния не будет особенно расположена к тому, чтобы оставить доктрину «суверенной демократии» и «вертикали власти». Подобные выводы день за днем утверждают представление о все более реакционной России, держащейся за свои прежние идеологические клише, и описывают ситуацию застоя, отдающего реставрацией.

Тогда остается неясным, идет ли, и если да, то в какой мере, правительство Берлускони по

пути путинизации Италии, надевая «намордник на печать и наручники на свободу, за которой бдят представители судебной власти», как утверждает Паоло Флорес д'Аркаис [Paolo Flores d'Arcais, "Un'altra Italia, un'altra opposizione – Il forum politico di MicroMega. Paolo Flores d'Arcais: Una lista civica per le europee". – MicroMega. 2008.5.]. Неясно также, насколько Россия действительно «путинизирована», при этом совершенно очевидно, что Италия, если абстрагироваться от полемики вокруг Берлускони, не имеет собственной политической стратегии, будь то левой или правой. Как это ни парадоксально, приходится признать, что Берлускони, так или иначе, выступает в роли медийного катализатора и продвигает свои политические интересы намного успешнее, чем любой другой итальян-

ский политический лидер. «Берлусконизм» – это нечто большее, чем «путинизация» страны, это новое явление, соблазнительное и привлекательное в своей естественности и приводящее к краху своим демократически-популистским культурным оскудением. Это, как уже было сказано, жестокое терзание пошлостью и безнравственностью, гротеск, возведенный в систему. Вряд ли Путин причинял когда-либо своей стране подобные страдания, и если дефицит демократии и авторитарный крен, навязанный ей, действительно послужат реализации того, что пообещал Медведев в своем обращении к народу в конце 2009 года, тогда «путинизацию» можно в конечном счете признать необходимым злом, в отличие от «берлусконизма».

© Филипацци М., 2010